

РАССТРЕЛ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(12 августа 1952 года)

Иосиф Лахман

12 августа 1952 года в подвалах Лубянки были расстреляны 13 членов Еврейского Антифашистского Комитета. Назову их поименно в том порядке, в котором они перечислены в расстрельном приговоре: Соломон Лозовский, Ицик Фефер, Иосиф Юзefович, Борис Шимелеович, Лейб Квитко, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Вениамин Зускин, Леон Тальми, Илья Ватенберг, Эмилия Теумин, Чайка Ватенберг-Островская.

В своей четырехтысячелетней истории еврейский народ пережил немало трагедий. Были кровавые погромы и преследования, массовые изгнания из родных мест, кровопролитные войны, наконец, величайшая катастрофа XX века – Холокост. На фоне всего этого расстрел в один день 13 представителей нашего народа может показаться не столь уж из ряда вон выходящим событием. Однако 12 августа 1952 года навечно вошло в нашу историю: **в этот день была расстреляна еврейская культура в СССР.**

Должен отметить, что уничтожение лучших творцов еврейской литературы и театрального искусства стало для меня личной трагедией. Я был знаком со многими из них, встречался с ними на литературных вечерах, видел на сцене. Так, с поэтом Ициком Фефером мне посчастливилось познакомиться еще в ранней юности. Посетив в середине 30-х годов прошлого века еврейскую школу в местечке Дунаевцы (Украина), где я учился, Фефер читал мои детские стихи и некоторые из них похвалил. Я также лично знал поэтов Льва Квитко и Переца Маркиша, зачитывался романами и рассказами Давида Бергельсона и под их впечатлением сам стал сочинять нечто вроде романа. Я много раз любовался игрой великих актеров Соломона Михоэлса и Вениамина Зускина на сцене Московского Государственного Еврейского Театра (ГОСЕТ), они и по сей день перед моими глазами – мудрые, яркие, неповторимые. Я воспитывался на еврейской литературе, она была органической частью моей жизни (и осталась таковой до сих пор).

О процессе над членами ЕАК написаны сотни книг и тысячи статей. Исследователями тщательно проштудированы и проанализированы 42 тома следственных материалов, доступ к которым был получен лишь в конце 80-х годов. Опубликована долгие годы хранившаяся под грифом “Совершенно секретно” обширная “Реабилитационная справка по делу ЕАК”, датированная 12 декабря 1955 г. Так что картина расправы с Еврейским Антифашистским Комитетом сейчас известна до мельчайших деталей.

В своей статье сосредоточусь на двух моментах: какую цель преследовали инициаторы и организаторы процесса над членами Еврейского Антифашистского Комитета и каковы исторические последствия расправы с выдающимися деятелями еврейской культуры.

Предыстория процесса

Еврейский Антифашистский Комитет был создан по распоряжению высших органов власти зимой 1942 г. Главной задачей Комитета было установление широких связей с международными еврейскими организациями и оказание через них влияния на правительства западных стран с тем, чтобы стимулировать их вовлечение в антигитлеровскую коалицию и содействовать удовлетворению других неотложных политических и экономических запросов Советского Союза. Эти задачи ЕАК весьма успешно выполнял во все годы войны.

К концу войны Сталин и его клика перестали нуждаться в подобных услугах Комитета и, обуреваемые давним злостным антисемитизмом, решили расправиться с этим образованием, а заодно и с выдающимися деятелями еврейской культуры.

Как было установлено впоследствии, расправа с ЕАК была намечена уже в момент его создания. Об этом свидетельствует хотя бы такая немаловажная деталь: уже при формировании руководства ЕАК партийные боссы назначили на пост ответственного секретаря Комитета осведомителя КГБ журналиста Шахно Эпштейна, а после его смерти прислали в качестве заместителя ответственного секретаря другого секретного сотрудника органов госбезопасности Г. М. Хейфеца. Да и заместитель председателя Комитета, поэт Ицик Фефер, как оказалось, был еще до войны, не без запугивания и шантажа, завербован в осведомители этих органов.

Было бы наивно полагать, что эти назначения обуславливались недоверием властей к руководителям Комитета: в высших партийных и государственных органах прекрасно знали, что председатель Комитета Соломон Михоэлс и его коллеги – честнейшие люди, ярые антифашисты, патриоты своей страны. Назначение людей из органов ответственными сотрудниками ЕАК было предпринято с далеко идущей целью: “сексоты” должны были собирать, копить и сами сочинять материалы, которые могли бы служить основанием для обвинений Комитета в “антисоветской деятельности” и для организации расправы над ним.

Первым актом разыгравшейся трагедии явились события 13 января 1948 года. В этот зимний день сотрудниками КГБ в Минске был зверски убит председатель Еврейского Антифашистского Комитета, гениальный еврейский актер и общественный деятель Соломон Михайлович Михоэлс.

Убийство Соломона Михоэлса послужило непосредственным сигналом к ликвидации ЕАК и ко всеобщему наступлению на еврейскую культуру. Но встает вопрос: если власти затеяли процесс против ЕАК, зачем они убили его председателя, вместо того, чтобы сделать его главным, наиболее авторитетным фигурантом планируемого громкого сталинского судилища над “врагами народа”?

Как установлено, карательные органы вовсе не хотели, чтобы Михоэлс стал живым участником процесса. Его организаторы прекрасно знали бойцовский характер этого человека, они не сомневались в том, что, очутившись Михоэлс на скамье подсудимых, он мужественно защищал бы себя и возглавляемый им Комитет и мог “испортить” весь подготовленный сценарий суда. Михоэлса вряд ли смогли бы каким-либо способом заставить признать за собой несуществующую вину в шпионаже, диверсионной деятельности и еврейском национализме.

20 ноября 1948 года, до начала массовых арестов людей, имевших какое-либо отношение к ЕАК, до начала каких-либо допросов и расследования деятельности Комитета, политбюро ЦК партии утвердило решение Бюро Совета Министров СССР о ликвидации ЕАК. В этом решении говорилось: “Бюро Совета Министров СССР поручает МГБ СССР немедленно распустить Еврейский Антифашистский Комитет, так как, как показывают факты (?!), этот комитет является центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки. В соответствии с этим органы печати этого Комитета закрыть, дела Комитета забрать. Пока никого не арестовывать”.*

Закрытие ЕАК явилось началом глобального уничтожения еврейской культуры. Одно за другим закрываются еврейские печатные органы, учреждения науки и культуры.

Сразу же вслед за газетой “Эйникайт” (“Единение”), печатным органом Комитета, ликвидируются остальные оставшиеся к тому времени издания на идиш: альманахи “Геймланд” (“Родина”) - в Москве и “Дер Штерн” (“Звезда”) – в Киеве; сто́ит напомнить,

* Цит. по книге Аркадия Ваксберга “Сталин против евреев. Секреты страшной эпохи”. Liberty Publishing House. New York, 1995, стр. 296-297.

что все выходившие в 30-х годах периодические издания на идиш, в том числе орган ЦК партии газета “Дер Эмес”, были закрыты еще до войны;

- уничтожается еврейское издательство “Дер Эмес” (“Правда”), которое после закрытия газеты “Дер Эмес” продолжало выпускать книги. Разгром издательства производился с такой варварской жестокостью, что все еврейские шрифты были отправлены на переплавку. Когда в конце 50-х годов было разрешено опубликовать несколько книг на идиш, пришлось завезти новые шрифты из Германии;

- распускаются объединения еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске;

- ликвидируются еврейские театры в Москве, Минске, Одессе, Черновцах, Биробиджане.

Период “пока никого не арестовывать”, указанное в решении бюро Совмина, длился всего месяц с небольшим. В конце декабря 1948 года были произведены первые аресты ответственных руководителей Комитета, и вслед за ними пошли массовые репрессии против деятелей еврейской культуры. Всего по делу ЕАК были арестованы и осуждены 110 человек, среди них были люди, имевшие весьма отдаленные связи с печатными органами на идиш, еврейской сценой, научной работой в области еврейской культуры. Поскольку орган Еврейского Антифашистского Комитета “Эйникайт” был объявлен “буржуазно-националистическим изданием”, буквально все печатавшиеся в газете писатели и журналисты автоматически стали “буржуазными националистами” и, следовательно, “врагами советской власти”.

Три с половиной года истязаний и издевательств

На процессе по делу ЕАК проходили 15 человек. Один из них (зам. министра Госконтроля Соломон Брегман), не выдержав тюремных пыток, умер до начала процесса, так что на скамье подсудимых оказалось 14 человек – 13 перечисленных в начале статьи, а также академик Лина Штерн, избежавшая смертного приговора и “отделавшаяся” сравнительно мягким наказанием – три года тюрьмы и пять лет ссылки.

Сорок месяцев, почти три с половиной года, в лубянской тюрьме в Москве истязали абсолютно невинных людей, заставляя их признаваться в несуществующих грехах.

Надо сказать, что на первых порах следователи-костоломы немало преуспели. Под ужасными пытками и издевательствами почти все арестованные были принуждены в той или иной мере оговорить себя и “признаться” в антисоветской деятельности. При этом цель у всех была одна: остаться живыми до открытого суда и на нем доказать всю несостоятельность предъявленных им обвинений.

В чем же конкретно обвиняли арестованных?

Прежде всего – в шпионско-диверсионной деятельности. Томящихся в застенках Лубянки заставляли признаваться в том, что в своих статьях, направляемых в западные органы печати, якобы содержались секретные сведения и государственные тайны. Конечно, это была сущая чепуха. Все статьи проходили строгую цензуру и, в большинстве случаев, сначала печатались в газете “Эйникайт”. К чести узников Лубянки, все они (за исключением, к сожалению, Фефера) вскоре, придя в себя, на допросах решительно отвергали обвинения в шпионаже и диверсионной деятельности.

Следующим пунктом обвинения являлись якобы вынашиваемые руководителями ЕАК планы создания в Крыму еврейской республики с последующим отторжением полуострова от Советского Союза и передачи его США. Это обвинение строилось лишь на “признаниях” Ицика Фефера. Никаких документов, подтверждающих данное обвинение, конечно, не было в природе, и все подсудимые решительно отвергали его. Соломон Лозовский, наиболее стойкий в самозащите, с сарказмом, редким в подобных условиях, разоблачил это фантастическое обвинение: “Из показаний Фефера, данных им ранее, вытекает, что они обещали американцам бороться за Крым. Кто? Эти два мушкетёра –

Фефер и Михоэлс, будут бороться за Крым, против Советской власти? Это опять клеветническая беллетристика...»*

Наконец, третье “обвинение” – “еврейский национализм”. Под знаком этого, не менее абсурдного обвинения, по существу, проходило судилище над деятелями еврейской культуры.

Неправедный суд

8 мая 1952 года дело членов ЕАК начал рассматривать суд, состоявший из трех человек: председателя суда А. Чепцова и двух членов. По тогдашним меркам, суд продолжался довольно долго – почти два с половиной месяца (до 18 июля).

Как отмечалось, организаторы и вдохновители преследования членов ЕАК поначалу надеялись, что им удастся провести громкий, открытый процесс, наподобие знаменитых процессов 1937 года, и извлечь из него солидные пропагандистские выгоды. Однако, кремлевские и КГБистские негодяи просчитались. Труд целой оравы жестоких, беспринципных, старавшихся выслуживаться перед властями следователей ничего не дал такого, что можно было бы выставить “на показ” общественности. Властям стало также ясно, что на суде обвиняемые откажутся от своих показаний, которые они принуждены были дать под пытками, а каких-либо материалов, подтверждающих их вину, как уже говорилось, не было и быть не могло.

Ясно, почему процесс прошел тайно, скрытно, так, что даже родные осужденных ничего не знали ни о суде, ни о приговоре. Звучит неправдоподобно, но это факт: даже после казни осужденных членов ЕАК на Лубянке продолжали принимать для них передачи от родственников...

Как и следовало ожидать, на суде большинство подсудимых начисто стали отрицать предъявленные им обвинения в шпионской деятельности, мужественно заявляя, что их признания были добыты с помощью зверского насилия.

Приведу лишь несколько примеров поведения подсудимых в ходе процесса. Председательствующий на суде генерал Чепцов обращается к Давиду Гофштейну:

- Под показаниями о преступлениях имеется ваша подпись...

Д. Гофштейн:

- Я ничего не соображал тогда... На следствии у меня было такое состояние, что я не понимал, что подписываю, что делаю... Теперь я здоров и прошел школу МГБ, я всё теперь понимаю и осознаю, и память у меня теперь здоровее, чем тогда...

Вениамин Зускин:

-«Разрешите заявить, что я отрицаю... показания, подписанные моей собственной рукой».

Перец Маркиш, после шока первых тюремных дней, вел себя на допросах исключительно стойко. Несмотря на жестокие побои и пытки, он твердо заявлял следователю: «Винным себя в проведении шпионской деятельности не признаю».

Ввиду отказа обвиняемых от данных ими показаний во время следствия, а также из-за того, что на суде не было добыто никаких документальных подтверждений шпионской деятельности подсудимых, председатель суда генерал Чепцов прервал в начале июля 1952 года процесс над членами ЕАК и предпринял некоторые шаги с тем, чтобы ему разрешили вернуть дело на доследование. Но он натолкнулся на упорное сопротивление тогдашних высших лиц в государстве (генеральный прокурор СССР Сафонов, Председатель Верховного Суда Волин, председатель Комитета партийного Контроля ЦК КПСС Шкирятов, председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник и,

* Александр Борщаговский. Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., Изд. Группа “прогресс”, 1994, стр. 72.

наконец, ближайший сподвижник Сталина – Маленков). Одни – из трусости, а другие, будучи яркими антисемитами, наотрез отказались пойти навстречу Председателю суда.

Небезынтересны сохранившиеся воспоминания о заявлении Маленкова во время встречи с Чепцовым: “Что же вы хотите, нас на колени поставить перед этими преступниками? Ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом политбюро ЦК занималось три раза, выполняйте решение ПБ” (цит. по книге Аркадия Ваксберга “Сталин против евреев”, Нью-Йорк, 1995, с. 350). Подумать только: от начала до конца сфабрикованным делом три раза разбирался высший орган власти страны!

Что же осталось после того, как все арестованные наотрез отвергли обвинения в шпионаже и подготовке диверсий, в попытке отдать Крым американцам? Еврейский национализм!

Что конкретно скрывалось за формулой “еврейский национализм”, от которого и сами обвиняемые не могли, да и не желали откреститься?

А вот что: еврейские писатели творили на еврейском языке (идиш) и всячески старались сохранить язык и культуру на этом языке. Более того, они по мере своих сил старались замедлить процесс ассимиляции. Можно понять измученных, измордованных узников Лубянки: отрицая свое участие в шпионско-диверсионной деятельности, за которую, они точно знали, неизбежен смертный приговор, они решили хоть в чем-то признаться, а именно – в национализме, за что, по их убеждению, никак нельзя осудить человека на смерть. Только такими соображениями я объясняю признания подсудимых в таком “грехе”, как национализм.

Вот признания **Давида Бергельсона**: “Суть моего неизжитого национализма состоит в том, что я был чрезвычайно привязан к еврейскому языку, как к инструменту. Я работал на нем двадцать восемь лет, я его люблю, хотя он имеет много недостатков. Я знаю, что предстоит недолгая жизнь, но я его люблю, как любящий сын любит мать”.

Вениамин Зускин сам корил себя за то, что Московский еврейский театр ставил главным образом пьесы, воспевающие старину, еврейские местечковые традиции и быт, возбуждавшие у зрителей националистические чувства...

Еще одно признание – поэта **Льва Квитко**: “Я признаю себя виновным в том, что, будучи некоторое время после войны ответственным секретарем или руководителем еврейской секции Союза советских писателей, не ставил вопрос о способствовании ускорению процесса ассимиляции евреев”. И далее: “Продолжая писать по-еврейски, мы невольно стали тормозом для процесса ассимиляции... Пользоваться языком, который массы оставили, который отжил свой век, который обособляет нас не только от всей большой жизни Советского Союза, но и от остальной массы евреев, которые уже ассимилировались, пользоваться таким языком – это, по-моему, является своеобразным проявлением национализма. В остальном не чувствую себя виновным”.

И лишь Перец Маркиш и Соломон Лозовский полностью отвергают предъявляемые еврейским писателям обвинения в национализме. Отвечая тем, кто ставит себе в заслугу отчуждение от еврейского языка, Маркиш заявляет: “Мне стыдно слышать подобные вещи. Можно подумать, что у нас в Советском Союзе еврейский язык находится под запретом. Вопрос не в том, можно ли писать на еврейском языке, и не в том, можно ли писать о местечковых евреях. Вопрос в том к а к писать”. Соломон Лозовский защищает еврейский язык еще решительнее: “Для того, чтобы писать в еврейскую газету, надо писать по-еврейски. Но когда Бергельсон вдруг говорит, если пишут по-еврейски, значит - это национализм, то выходит, что тут судят еврейский язык. Это уму непостижимо”.

Небезынтересно заметить, что академик Лина Штерн заняла своеобразную позицию в вопросе национализма: она вообще не видела ничего предосудительного в национализме и даже посчитала свой национализм достоинством.

Но трагедия состояла в том, что никаких надежд на спасение у заранее обреченных на смерть узников не было, все было предопределено. Осужденные по делу ЕАК были признаны виновными в том, что они, являясь еврейскими националистами, под

прикрытием Еврейского Антифашистского Комитета установили связи с представителями американской разведки, которым передавали секретные сведения об экономике и условиях жизни трудящихся СССР.

Они обвинялись также в том, что в целях борьбы против национальной политики партии, по заданию реакционных кругов США, среди еврейского населения СССР и за границей развернули широкую пропаганду еврейского национализма, используя для этого созданную при ЕАК газету “Эйникайт”, издательство “Дер Эмес”, литературные еврейские альманахи, еврейские театры и Кабинет еврейской культуры при Академии Наук Украины.

12 августа 13 из четырнадцати подсудимых расстреляли.

22 ноября 1955 года состоялось заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР. На нем приговор членам ЕАК был отменен за отсутствием в действиях осужденных состава преступления. Но решение Верховного Суда нигде в печати не было опубликовано, и еще долгие-долгие годы, вплоть до конца 80-х, нельзя было публично говорить или писать что-либо о процессе. Даже в еврейском журнале “Советише Геймланд”, созданном осенью 1961 года, при публикации произведений расстрелянных писателей, под их портретами приводились две сухие даты: год рождения и год смерти (естественно, для всех – одинаковый). Как ушли они из жизни, писать было не положено.

Кого мы потеряли

12 августа 1952 года был расстрелян цвет еврейской литературы и театрального искусства (гениальный актер и режиссер Соломон Михоэлс, как уже отмечалось, был зверски убит раньше, 13 января 1948 года).

Расстрелянные деятели еврейской культуры были уже немолодыми людьми: самому молодому - Ицику Феферу – в день ареста было без двух месяцев 48 лет, а самому старшему – Давиду Бергельсону – 64. Но все они были еще в расцвете творческих сил и могли бы еще долгие годы обогащать сокровищницу культуры нашего народа. Так, о сохранившейся мощи поэтического дара Переца Маркиша говорит его стихотворение, прочитанное, разумеется, на идиш, на гражданской панихиде по Соломону Михоэлсу. Перевод с идиш блестяще сделал Аркадий Штейнберг. Интересна история перевода, рассказанная вдовой Переца Маркиша – Эстер: “А когда спал этот кошмар (имеется в виду время после реабилитации Маркиша –И. Л.), я дала перевести эти стихи Пастернаку. Однако Пастернак через несколько дней позвонил мне и сказал: «Знаете, Эстер, у меня не получается. Маркиш для меня слишком великий поэт». Я ему говорю: «Борис Леонидович, это Вы для меня – великий поэт!» «Нет, Эстер, не выходит!» После этого я дала перевести это стихотворение Штейнбергу – вовсе не поэту, а простому переводчику. И он великолепно справился с переводом. Но бедный Маркиш этих стихов так и не увидел. При его жизни были напечатаны только первые четыре четверостишья на идиш в газете “Эйникайт”. Стихотворение довольно большое, состоит из семи частей. Приведу лишь три части из них:

МИХОЭЛСУ – НЕУГАСИМЫЙ СВЕТИЛЬНИК

1

*Прощальный твой спектакль среди руин, зимой...
Сугробы снежные, подобные могилам.
Ни слов, ни голоса. Лишь в тишине немой
Как будто все полно твоим дыханьем слылым.
Но внятен смутный плеск твоих орлиных крыл,
Еще трепещущих на саване широком;
Их дал тебе народ, чтоб для него ты был
И утешением, и эхом, и упреком.*

*В дремоте львиная сияет голова.
Распахнут занавес, не меркнут люстры в зале.
Великих призраков бессмертные слова
В последнем действии еще не отзвучали.
И мы пришли тебе сказать: "Навек прости!" -
Тебе, кто столько лет, по-царски правя сценой,
С шолом-алейхемовской солью нес в пути
Стон поколений и слез алмаз бесценный.*

3

*Разбитое лицо колючий снег занес,
От жадной тьмы укрыв бесчисленные шрамы.
Но вытекли глаза двумя ручьями слез,
В продавленной груди клокочет крик упрямый:
- О, Вечность! Я на твой поруганный порог
Иду зарубленный, **убитый**, бездыханный.
Следы злодейства я, как мой народ, сберег,
Чтоб ты узнала нас, взглядевшись в эти раны.
Сочти их до одной. Я спас от палачей
Детей и матерей ценой моих увечий.
За тех, кто избежал и газа, и печей,
Я жизнью заплатил и мукой человечьей!
Твою тропу вовек не скроют лед и снег.
Твой крик не заглушит заплечный кат наемный,
Боль твоих мудрых глаз струится из-под век.
И рвется к небесам, как скальный кряж огромный.*

4

*Течет людской поток - и счета нет друзьям,
Скорбящим о тебе на траурных поминах.
Тебя почтить встают из рвов и смрадных ям
Шесть миллионов жертв, замученных, невинных.
Ты тоже их почтил, как жертва, пав за них
На камни минские, на минские сугробы,
Один, среди руин кварталов ледяных,
Среди студеной тьмы и дикой вьюжной злобы.
Шесть миллионов жертв... Но ты и мертвый смог
Стать искуплением их чести, их страданий.
Ты всей Земле швырнул кровавый свой упрек,
Погибнув на снегу, среди промерзших зданий.
Рекой течет печаль. Она скорбит без слов.
К тебе идет народ с последним целованьем.
Шесть миллионов жертв из ям и смрадных рвов
С живыми заодно тебя почтят вставаньем.*

Давид Бергельсон незадолго до войны написал исключительно сильную, талатливую драматическую поэму “Принц Реубейни”. В 1947 году Михоэлс принял пьесу к постановке в Московском Государственном Еврейском Театре и приступил к ее репетициям. На первой репетиции он объявил: “В этой пьесе что ни роль, то эпоха. Ответственный спектакль. Это первая историческая пьеса в нашем театре. Надо показать народ – это первое. Второе – мы не имеем права показывать неевреев одними погромщиками”^{*}. Пьесу Бергельсона Михоэлс готовился ставить в то время, когда в стране всюду стал бушевать

^{*} М. Гейзер “Михоэлс. Жизнь и смерть”, Москва, 1998, стр. 261.

антисемитизм, и он рассматривал постановку как недвусмысленный призыв к борьбе за честь и достоинство народа. В декабре 1947 года уже был готов первый акт. Последняя репетиция состоялась перед роковой поездкой Михоэлса в Минск в январе 1948 года...

До последних дней перед арестом блистал на сцене ГОСЕТа Вениамин Зускин. В 1946-1947 годах я несколько раз бывал на спектакле “Фрейлехс”, который поставил Михоэлс и в котором Зускин играл главную роль бадхена (свата). Это была веселая, искрометная композиция из еврейского музыкального фольклора. Зускин-бадхен, как юноша, носился по сцене, сыпя шутками-прибаутками из сокровищницы еврейского фольклора. Колоритными фольклорными фигурами предстали на сцене и жених с невестой, и многочисленные гости свадьбы. По замыслу Михоэлса, спектакль был призван вселить в душу самих евреев уверенность и убедить весь мир, что еврейский народ, несмотря на пережитую Катастрофу, жив и будет жить. Следует напомнить, что в 1946 году, за два года до гибели Михоэлса и ареста Зускина, оба они, а также художник Тышлер были удостоены за этот спектакль Сталинской премии. Получив звание лауреата, Зускин написал в статье, опубликованной в газете “Эйникайт”: “Сегодня у меня один из самых радостных и счастливых дней в моей жизни, в жизни еврейского актера. И я буду еще более счастлив, если сумею своей последующей работой оправдать высокую награду нашего правительства, товарища Сталина”. Мог ли великий актер тогда подозревать, что та же рука, которая подписала постановление о присуждении ему Сталинской премии, вскоре подпишет ему смертный приговор?

Творчески активными, плодотворными оставались до самого дня своего ареста все остальные деятели еврейской культуры, прошедшие по процессу Еврейского Антифашистского Комитета.

Живым примером сохранившейся у старшего поколения еврейских писателей творческой энергии явил собой великий поэт Самуил Галкин, чудом не попавший в “обойму тринадцати” (хотя он был членом президиума Комитета) и отбывший пять лет на каторге. В условиях каторжного труда он писал философские стихи, а освободившись, уже смертельно больной, продолжал до самой кончины (в 1960 году) сочинять изумительные философские и лирические стихи. Вот одно из них, написанное в 1957 году.

ЕСЛИ НЕ Я ДЛЯ СЕБЯ...

Если не я для себя – кто для меня?
Если я только для себя – что я такое?
Если не сейчас, то когда же?
(Из Галмуда)

*Кто для тебя, когда не ты?..
Кому вручишь свои заботы?
Ведь время с каждым сводит счеты,
Однажды ставя у черты,
Где у тебя не спросят, кто ты,
И, всепрощенный, ты уйдешь...
Когда не я себе, то кто ж?*

Смотри, куда видит глаз,

*И знай – не хватит жизни целой,
А потому сверх меры делай, –
Когда же, если не сейчас?
Ничтожен времени запас,
С числом и мерой будь на страже...
Коль не сегодня, то когда же?
Но от числа не опьяней,
А мера – главное не в ней;*

*Лишь для себя стараясь – что я?
Кто я такой? Чего я стою,
Когда себя в одном числе
Я утверждаю на земле?*

*И «что я есмь» легло в строку бы,
Но мне обида сжала губы
И, мысль перекроя,
Ведет моей рукою
И шепчет мне, что я –
Черт знает что такое...*

(Перевод Валерия Слуцкого)

Из 13 расстрелянных 12 августа 1952 года лишь шесть человек были непосредственными творцами еврейской культуры. Однако ни у кого не было и нет сомнений, что основной целью Сталина и его клики был не сам Комитет, а культура еврейского народа, духовный мир народа, сам народ.

После расправы над еврейской культурой в стране наступил мрак. В течение долгих десяти лет нельзя было публиковать ни единого слова на идиш, невозможно было прочитать со сцены стихотворение или рассказ на идиш, спеть с эстрады песню на идиш, сыграть еврейскую мелодию. Помню: такие выдающиеся еврейские артисты, как Сиди Таль и Михаил Александрович, могли петь на любом другом языке (русском, украинском, итальянском), но не на идиш. Об этом времени Борис Слуцкий выразительно написал:

*Ничего не осталось, осталось токмо
Слово “хала” и слово “хохма”...*

Лишь в 1959 году, на волне хрущевской оттепели, выпускаются на идиш три книги наших классиков – Менделе Мойхер Сфорима, Шолом-Алейхема и Иццока Лейбуша Переца, а осенью 1961 года власти разрешают издавать журнал на идиш “Советише Геймланд”.

Журнал “Советише Геймланд” и его место в истории советской еврейской литературы – особая тема. В течение 31 года он служил трибуной для оставшихся в живых писателей старшего поколения и нескольких молодых литераторов, пришедших в еврейскую литературу в 60-70-е годы. На страницах журнала появились многие талантливые произведения, свидетельствующие о том, что у еврейских литераторов “есть еще порох в пороховницах”. Но ряды писателей постепенно таяли, и еще быстрее таяли ряды читателей. В 1991 году журнал прекратил свое существование. В 1993 году, при финансовой помощи американских еврейских организаций, в Москве начал выходить журнал “Ди идише гас” (“Еврейская улица”), но и он через пять лет закрылся. И этим была поставлена последняя точка в издании литературы на идиш в России и остальных республиках бывшего СССР.

Что касается театрального искусства на идиш, то оно так и не смогло оправиться после разгрома еврейских театров в 1948-1949 годах. Ничего даже отдаленно похожего на ГОСЕТ и другие уничтоженные еврейские театры на советском и постсоветском пространстве больше не появилось.

Так завершилась история культуры на идиш в бывшем Советском Союзе.